

**Любовь Борусяк. Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики *Происходит ли в современной России
сексуальная контрреволюция?***

Сексуальная революция начинается с того, что репрессированная прежде тема начинает артикулироваться, но она становится не социальным явлением, а именно революцией в тот момент, когда затрагивает три сферы: экономику, социальную сферу и политическую. Вот то, что у нас началось в перестройку и происходило в 90-е годы до их середины, до второй половины, когда была сломана попытка ввести в школу программу полового воспитания.

На ценностном уровне в России идет регресс, который я несколько утрированно назвала «контрреволюцией». Ценности и практики в ситуации репрессий могут существенно различаться. И то, что репрессируется, то не артикулируется, а загоняется вглубь и разрушает социальность.

На ценностном уровне люди во многом уже восприняли «новые» консервативные ценности, и опросы об этом свидетельствуют. На уровне практик они ведут себя иначе. Разрыв практик и ценностей – это тоже черта сексуальной контрреволюции. Но в то же время это дает основание предполагать, что изменения в ценностях возможны.

Известно, что секс – потенциально связан с серьезными рисками. Секс – это зона человеческой приватности. И это зона личной ответственности, если государство делегирует человеку право распоряжаться своим телом. В этом смысле исторически сексуальность была, конечно, очень сильно репрессирована: если ее выпустить на свободу или дать свободу «Крылатому Эросу», то всегда существует подозрение, что это будет иметь какие-то негативные последствия.

И не случайно, как только начинается политическая либерализация, зона ответственности, которую на себя накладывает государство, начинает

сжиматься как шагреновая кожа. Наоборот, когда режим ужесточается, гораздо шире становятся те области, куда государство считает себя вправе вмешиваться, не доверяя субъектам коммуникации в этой области самим отвечать за свои поступки.

Сексуальная революция начинается с того, что репрессированная прежде тема начинает артикулироваться, но она становится не социальным явлением, а именно революцией в тот момент, когда затрагивает три сферы: экономику, социальную сферу и политическую. Вот то, что у нас началось в перестройку и происходило в 90-е годы до их середины, до второй половины, когда была сломана попытка ввести в школу программу полового воспитания. В 1996 году внедрение данной программы в школы страны было приостановлено, как было сказано, «из-за возмущения со стороны родителей и общественных организаций».

Выдвигая тезис «сексуальной контреволюции», перечислю свои аргументы по пунктам.

1. Экономическая функция семьи: она была в патриархальном обществе, потом постепенно ослабла, и это продолжается, здесь ничего не изменилось.

2. Секуляризация общества. В России процесс идет в строго противоположном направлении. И то, что программы сексуального просвещения в школе рухнули, связано с этим непосредственно. В чем это проявляется, если говорить о сексуальности? В том, что аборт стал проблемой, прежде всего, моральной и рассматривается строго с религиозной точки зрения: душа зарождается в момент зачатия или даже до зачатия, и уже содержится в сперматозоидах. Поэтому аборт, как считается, – это настоящее убийство.

3. Сексуальная революция всегда сопровождается тем, что на практическом уровне идут процессы либерализации - например, в отношении к добрачному сексу. В России этот процесс давно шел очень быстрыми

темпами. В связи с тем, что все-таки возраст вступления в брак увеличивается, вряд ли что-то изменилось в плане допустимости добрачного секса.

4. Внебрачный секс. Здесь сложнее: к супружеским изменам отношение неопределенное. Была некоторая либерализация. Последний опрос Левада-центра показал скачок негативного отношения к супружеским изменам как морально недопустимым.

5. Либерализация нетрадиционных сексуальных практик и отношения к гомосексуальности, снижение гомофобии. В этом плане идет, конечно, существенный откат. По последним опросам, после принятия Закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (2013 г.) тема, которая не была главной и слабо артикулировалась, резко актуализировалась.

После принятия закона студенты начинают заявлять, что гомосексуализм – самая острая общественная проблема.

Что сейчас самое важное и интересное? - То, что все это напоминает реакцию на знаменитые Отчеты Кинси. Когда в 1948-м году вышел отчет Альфреда Кинси, «Сексуальное поведение самца человека» а в 1953-м году – второй «Сексуальное поведение самки человека», Америка, гордившаяся своими традиционными консервативными ценностями, как будто впервые увидела себя. Америка была потрясена и не захотела принять реальности. Началась реакция, но в 60ые годы началась сексуальная революция.

На ценностном уровне в России идет регресс, который я несколько утрированно назвала «контрреволюцией». Ценности и практики в ситуации репрессий могут существенно различаться. И то, что репрессируется, то не артикулируется, а загоняется вглубь и разрушает социальность. .

На ценностном уровне люди во многом уже восприняли «новые» консервативные ценности, и опросы об этом свидетельствуют. На уровне практик они ведут себя иначе. Разрыв практик и ценностей – это тоже черта

сексуальной контрреволюции. Но в то же время это дает основание предполагать, что изменения в ценностях возможны. Как говорил Альфред Кинси, когда его спрашивали, вреден ли онанизм: я этого не знаю, но я это выясню....

Ольга Здравомыслова. Выступление Любви Борусяк приглашает к дискуссии. Она привела убедительные доказательства резкого усиления консервативной тенденции в обществе. Но нельзя не признать, что противоположная тенденция – либерализация, культурная модернизация – стала настолько сильной, что консервативный поворот, охранительная реакция выглядят, скорее, как страх, моральная растерянность от неспособности жить в изменяющейся реальности. Об этом хорошо говорил Йенс Зигерт, который вспомнил знаковую статью Владислава Суркова по поводу временно отступивших мужчин, которые все равно прорвутся и займут главное место. Йенс связал это со страхом и неспособностью принять новый мир. Разумеется, это совсем не благостный мир, - тот, что наступил «после 68-го года». Но в нем не может быть того, что произошло, например, в советской России, когда вслед за попыткой освобождения установилось тоталитарное подавление личности и общества. Это стало также срывом первой сексуальной революции в России.

Любовь Борусяк говорила о том, что сексуальная контрреволюция произошла не на ценностном уровне. Но, возможно, мы не понимаем еще, что произошло на ценностном уровне общественного сознания.

Любовь Борусяк. Буквально вчера появился очередной опрос Левада-центра, в котором есть вопрос про качества мужчин, которые ценят в них женщины. И вдруг выясняется, что с 2014 года уменьшилось число ответов, в которых таким качеством называли *порядочность*.

Ольга Здравомыслова. Вопрос, которым хотелось бы закончить нашу дискуссию, - скорее, риторический. Если оттолкнуться от тезиса Йенса

Зигерта, что западные общества прошли в 68-м году точку невозврата и обратное движение уже невозможно, правомерно ли сказать, что российское общество тоже прошло свою точку невозврата? Пока можно утверждать лишь то, что все исходит через острый, причем публичный, конфликт и политизируется. Вспомним хотя бы «случай депутат Слуцкого», который здесь уже упоминали.

Ольга Исупова. Небольшая ремарка. Насчет того, что может ли общество, которое уже модернизировалось, хотя бы частично вернуть что-то из архаического прошлого. Если судить по демографическому показателю - такому, как среднее число детей на женщин, то демографический переход произошел на всей территории России. Вместе с ним произошли все соответствующие остальные изменения. Конечно, они могут происходить в разных формах. Скажем, где-то женщины надели хиджабы и т.д. Но теперь в соцсетях они их снимают. Женщины работают - и это норма, множество работающих женщин. Детей у них тоже, как правило, двое, если уже даже не меньше.

Любовь Борусяк. Похоже, те женщины более модернизированы, чем иные женщины в Центральной России...

Ольга Исупова. Все что угодно можно делать, но люди, конечно, не будут взбираться на танки и не будут стремиться, чтобы их забили камнями, но будут придумывать что-то другое, свое. По-тихому...

Кто-то довольно остроумно заметил, что «случай» депутата Слуцкого – порождение пережитков крепостного права в нашем обществе. Но дело в том, что мы, наконец-то больше не хотим быть крепостными.

Надежда Ажгихина, факультет журналистики МГУ.

Во-первых, соглашусь с тем, что мы прошли точку невозврата. Думаю, что происходит взаимопроникновение разных сегментов информационного пространства. Это позитивно, это началось у нас в Перестройку и продолжается. Как непосредственный участник процесса я вижу здесь

колоссальный прогресс. Даже, несмотря на всю распространенность патриархальной риторики, она все-таки уходящая натура.

Я регулярно общаюсь с молодыми людьми, которые ничего этого не смотрят, не читают. Они нажимают на кнопку, например, telegram, и через три минуты знают, что и где происходит. И у них на это всегда есть свое мнение.

Мне кажется, что не может быть возврата к прошлому – ни к советскому, ни к лагерному... Хотя, похоже, с лагерным прошлым и лагерной практикой связана, например, наглость Слуцкого. В ней есть что-то очень глубинное.

Ольга Здравомыслова. В завершение разговора хочу поблагодарить всех его участников – выступавших и активно слушавших.

Совершенно очевидно, что тема необъятна, в ней множество смысловых пластов, личное переплетено в ней с гражданским и политическим.

Будем продолжать наши исследования и дискуссию.